

В.Н. ЛЕКСИН

Идеологические основы упадка современного института семьи

Идеология тотальной демократии потребительского общества, в которой автор видит главную угрозу современной семье, представлена в настоящей статье тремя течениями. Это: концепция угрозы перенаселения и увеличения доли неполноценных людей (теория и практика “планирования семьи”); экзистенциальная трактовка брака как несвободы; и современные либерально-рыночные интерпретации брака как партнерских отношений.

Ключевые слова: упадок современной семьи, идеология тотальной демократии, угроза перенаселения, брак как несвобода, брак как разновидность рыночных отношений.

The ideology of total democracy of consumer society, in which the author sees the main threat to the modern family is presented in this paper three currents. There are: the concept of threat of overpopulation and increasing the proportion of disabled people (theory and practice of “family planning”); existential interpretation of marriage as a lack of freedom, modern liberal-market interpretation of marriage as a partnership

Keywords: The decline of the modern family; the ideology of total democracy; the threat of overpopulation; marriage as a captivity; marriage as a form of market relations.

Завершая предыдущую статью о государственной семейной политике и проблемах современной русской семьи, понимаемой, скорее, как социокультурный феномен [Лексин, 2010], я писал об инвариантной ценности традиционной семьи для каждого российского гражданина и государства в целом, а также о том, что обществу все сложнее придерживаться этих ценностей ввиду необсуждаемой значимости индивидуализированной жизни, свободной от обязательств по отношению к другим. Нет нужды дополнительно приводить свидетельства того, что обычная русская семья находится в упадке: уменьшается число желающих создавать семью, браки становятся все более поздними и неустойчивыми, а деторождение – скудным. Демографы пытаются фиксировать параметры и анализировать тенденции неуклонного снижения численности русского населения, предлагают изысканные гипотезы и теоретические обоснования этого процесса, но крайне редко называют его главную причину – *скептическое отношение общества ко всем без исключения смысловым основаниям обычной семьи, поддерживаемое агрессивной и легковоспринимаемой идеологией сознательного, добровольного и общественно приветствуемого отказа от традиционных семейных ценностей.*

Риску предположить, что по степени воздействия идеологии на мотивации повседневного поведения людей (особенно молодых) наше время недалеко ушло от первых лет советской власти. И никогда еще в новейшей истории моей страны мировоззрение и мироощущение тех, кто влияют (даже на самом низком – журналистском – уровне) на формирование ценностных представлений “широкой публики”, не было

столь *одномерно* идеологизированным. Будучи в какой-то мере осведомленным о том, что и как изучают в университетах и гуманитарных вузах Москвы и Санкт-Петербурга, Казани и Новосибирска, Екатеринбургa и Перми, не могу представить появление в среде их выпускников (а ведь они понесут в массы “разумное, доброе, вечное”) что-либо похожее на дух неприятия доминирующих представлений о благом и дурном в современном обществе, не говоря уже о возникновении в этой среде явного или хотя бы латентного диссидентства, характерного для последних десятилетий советской власти. Отличие от неафишируемого идеологического разномыслия того времени я вижу и в том, что у новой для России идеологии *тотальной демократии потребительского общества* появились мощные технические возможности внедряться в сознание каждого человека. Создается впечатление, что из плохо прочитанных философских трудов западных мыслителей¹ теперешними идеологами было извлечено только то, что оправдывало эгоцентризм и абсолютизировало “свободу без границ”, отрицало все без исключения ценности “темного царства” советского времени.

Антисемейная идеология “живет и побеждает” потому, что предлагаемый ею идеологический товар легко усваивается на животнo-инстинктивном уровне и в первую очередь ориентирован на “обжорливую младость”, познающую мир через наушники плееров, экраны телевизоров и мониторы подключенных к Интернету компьютеров. Она побеждает в России, как привыкла побеждать и в “третьем” мире, и у себя дома: например, в конце XX в. в Праге на Всемирном конгрессе семей Стокгольм был победно объявлен “первым постсемейным городом”, потому что две трети его жителей не имеют семьи и не планируют ею обзаводиться. Идеология отказа от ценностей института семьи – реальный фактор трансформации семейных и всех связанных с ними социальных отношений. У этой идеологии есть свои “три источника и три составные части”:

- концепция угрозы перенаселения и увеличения доли неполноценных людей (теория и практика “планирования семьи”);
- экзистенциалистская трактовка брака как несвободы с противопоставлением ему свободной любви и других даров, обретенных в ходе “сексуальной революции”;
- современные либерально-рыночные интерпретации брака как партнерских отношений.

Думаю, что наши социологи и политологи недооценивают прямые и опосредованные влияния этих учений на реальную жизнь.

Политика сокращения числа “лишних людей”

Конспективно излагая идеологию критики института семьи как источника перенаселения планеты, менее всего хотел бы винить в появлении этой идеологии Т. Мальтуса, издавшего в 1798 г. небезынтересный “Опыт о законе народонаселения”, где сопоставлялся геометрический рост численности населения и арифметический рост производства жизненных ресурсов: перенаселение, по Мальтусу, грозит голодом, преступностью и войнами². За 200 лет изменилось многое. Современные технологии позволяют только на освоенных сельскохозяйственных землях произвести продукты питания для 35 млрд человек, питающихся по американским нормам, и для 100 млрд человек, питающихся “по-японски”. Преступность устойчиво выше (на 1000 человек населения) в тех странах и регионах, где рождаемость ниже, а постоянно воюющий альянс стран НАТО представлен государствами, где о перенаселенности давно забыли.

¹ В последние 20 лет в России не было ни одного российского философа, которого считали бы “властелином мысли и духа”; в их число не включали, например, ни А. Зиновьева, ни А. Панарина, ни С. Аверинцева.

² К концу жизни (он умер в 1834 г.) Мальтус, в отличие от своих приверженцев, пересмотрел основные положения этой концепции.

Тем интересней рассмотреть связь новейших концепций губительности роста народонаселения со столь популярной в современной России идеей планирования семьи³.

Современные идеологи угрожающего перенаселения планеты и собственных стран соединили эти угрозы с евгеническими⁴ призывами, глашатаем которых стала одна из самых мрачных личностей в истории борьбы с народом – феминистка М. Зингер, чьи идеи пропагандировал, развивал и реализовывал Фонд Рокфеллера (он финансировал Лигу контроля над рождаемостью), а затем и многие другие известные международные фонды. Суть синтеза евгеники и идеологии перенаселения видна из проекта закона, предложенного Зингер в 1934 г.: “*Статья 3.* Свидетельство о браке дает супругам право лишь на совместное ведение хозяйства, но не на родительство. *Статья 4.* Ни одна женщина не имеет права выносить ребенка и ни один мужчина не имеет права стать отцом без разрешения на родительство. *Статья 5.* Разрешения на родительство должны выдаваться государственными органами супругам по их просьбе при условии, что они способны материально обеспечить будущего ребенка, обладают необходимым образованием для правильного воспитания ребенка и не имеют наследственных болезней... *Статья 8.* Умственно отсталые, лица с врожденными преступными наклонностями или имеющие наследственные заболевания, а также все прочие, признанные биологически неполноценными, должны быть либо стерилизованы, либо, в сомнительных случаях, изолированы, с целью не допустить появления потомства, страдающего теми же пороками” (цит. по [Грант, 1997, с. 13]). Зингер считала “неполноценными” многих американцев, всех черных, евреев и славян. Ее идеи о практическом значении для уничтожения института семьи раннего полового воспитания, признание многодетности как извращения и правомерности любого секса нашли поистине массовую поддержку и великих спонсоров.

Но не абстрактными идеями спасения лучшей части генофонда путем истребления основной и худшей его части питалась огромная и многозатратная *практическая* работа по “планированию семьи”: здесь отстаивались геополитические интересы. Еще в 1974 г. госсекретарь США Г. Киссинджер направил в силовые и другие ведомства США запрос о влиянии роста мирового народонаселения на безопасность и международные интересы США. В появившемся секретном (ныне преданном гласности) меморандуме Совета по национальной безопасности США утверждалось: “Население США составляет 6% от мирового, а мы потребляем около трети природных ресурсов... поэтому США все больше заинтересованы в поддержании политической, экономической и социальной стабильности в странах-поставщиках... Поскольку, снижая рождаемость, мы можем улучшить перспективы такой стабильности, политика в области народонаселения становится весьма важной для соблюдения экономических интересов США... Быстрый рост населения в развивающихся странах... создаст политические проблемы или даже угрозу национальной безопасности США... Когда перенаселение приводит к ... социальным переворотам, это не благоприятно для систематического освоения природных ресурсов и инвестиций... Подобные кризисы наименее вероятны при низком или отрицательном приросте населения... Нужно распространение служб планирования семьи для продвижения простых, дешевых, эффективных, безопасных и продолжительно действующих и приемлемых методов предупреждения беременности... Это жизненно важный аспект для любой программы по контролю за мировым народонаселением” (цит. по [Медведева, Шишова, 1999]).

³ О планировании семьи существует большая литература статистического, демографического, социологического и политологического характера. К числу интереснейших из них я отношу книгу московских психологов: директора Общественного института демографической безопасности Н. Медведевой и вице-президента Фонда психологической помощи семье и ребенку Т. Шишовой – бесценное собрание документов, фактов, личных наблюдений [Медведева, Шишова, 2009]. Авторы уместно включили в свой труд фрагмент прекрасной и, к сожалению, мало у нас известной книги Ж. Кейзан “Война против населения и идеология контроля над народонаселением” в переводе Т. Шишовой с сохранением перечня первоисточников.

⁴ Евгеническая идея освобождения от неполноценных людей, не входящих в когорту лучшей расы, получила наибольшее (и весьма простое) применение в фашистской Германии, в “лагерях смерти”.

В 1978 г. Конгресс США утвердил резолюцию 104(d) “Акта о международном развитии и продовольственной помощи”, в котором говорится: “Особое внимание будет уделено влиянию на демографический рост всех программных проектов и действия... Вся деятельность, которую предполагается финансировать... должна быть направлена на создание мотивации к уменьшению семьи”. А в 1997 г. президент США У. Клинтон заявил: “Мы подтверждаем, что США будут и впредь занимать руководящую роль в мире по предоставлению добровольной помощи в области планирования семьи... Планирование семьи является ключевым моментом нашей всеобъемлющей стратегии” (цит. по [Медведева, Шишова, 1999]).

Все сказанное “другом Биллом” становилось в то время обязательным и для России, где уже действовала Российская ассоциация планирования семьи и где позднее на Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН вице-премьер Правительства России заявила о полной приверженности России духу и целям Каирской конференции в части проведения политики народонаселения. А эти “установки” снимали, в частности, все ограничения “сервиса по планированию семьи”, предлагали правительствам поощрять предоставление соответствующих услуг подросткам, обучать “педагогов и развивать коммуникационные методики, основанные, в частности, на *устранении чувства ложной стыдливости*” (курсив мой. – В.Л.) [Медведева, Шишова, 1999]. Начался тотальный “секс-просвет” малолетних и подростков, последствия которого уже ощутимы и с каждым годом будут сказываться все сильнее.

В книге Кейзан “Война против населения” собраны многочисленные выдержки из трудов современных западных исследователей рассматриваемой проблемы. Приведу несколько примеров. «Секс-просветовские программы продолжают, неуклонно продвигая общество к истинной демографической цели... При обучении школьников постоянно подчеркивается желательность малой семьи – якобы это выгодно как для человека, так и для общества. Детей обычно просят обсудить: “какие проблемы исчезли бы, если бы я был единственным ребенком” и проанализировать “вражду” между братьями и сестрами, разобрать “семейные конфликты”. Один из типичнейших учебников просит детей решить, считают ли они себя “родительским материалом”, и предлагает список “причин, по которым люди заводят детей» [Кейзан].

Программы по “половому воспитанию” сосредоточивают внимание школьников на том, как трудно растить детей и какие они, в сущности, несимпатичные. “Младенцы совсем не такие милые крохи, какими их обычно представляют. Они мочатся и гадят под себя, болеют... Ухаживать за ними – дорогое удовольствие”, – предупреждает буклет, изданный “Планированием семьи”. Действуя в том же русле, другие пособия заявляют, что “вырастить ребенка в наши дни стоит от 70 до 100 тысяч долларов, не считая заработков, потерянных матерью”, “младенцы 24 часа в сутки требуют внимания” и часто разрушают браки, поскольку отцы начинают “ревновать”, а матери “истощаются”.

Другие программы с той же методичностью вдальбливают в голову детям, что традиционная семья в наши дни исчезает. Методология тут простая: игнорируйте факты, опровергающие ваши идеи, а взамен создавайте свою собственную реальность. Скажем, тот факт, что две трети американских детей живут с папой и мамой, ни разу не упоминается. Равно как и то, что хотя число разводов увеличивается, пропорциональное соотношение полных и неполных семей совсем ненамного изменилось по сравнению с прошлыми временами, когда было больше вдов, сбежавших мужей и раздельно проживавших супругов, числившихся в законном браке. Заявляя, что традиционная семья – реликт, просветители провоцируют детей на обсуждение того, какой стиль жизни им больше нравится: “расширенная семья, коммун, групповые браки, сожительство без регистрации брака, статус матери-одиночки”.

Нападки на семью предпринимаются с двойной целью: ослабить ее привлекательность и дискредитировать моральный авторитет старших. Истинная же причина подкопа под семью состоит в том, что традиционные семьи производят на свет и воспитывают детей. По признанию одного из идеологов планирования семьи Д. Кингсли, “связи детей и родителей отличаются особой крепостью” и “рожая детей, человек создает не только новые человеческие существа, но и новые прочные связи для себя самого” [Kingsley, 1977, p. 176].

Во всех подобных программах чрезвычайно много места уделяется разговорам о «секс-ролях». Для подрыва или уничтожения традиционной семьи и замены ее «чувством собственного «я»... мальчики и девочки должны научиться отвергать свои будущие роли отцов и матерей». С этой целью «школьникам рассказывают истории и показывают фильмы о людях, обретших наивысшее счастье благодаря тому, что им удалось изменить свои половые роли. И превозносят исторических деятелей, известных своим гомосексуализмом. Подчеркивается нормальность гомосексуализма и ненормальность тех, кто это не одобряют: им придумали кличку «гомофобы». Секс-просветители объясняют детям технику гомосексуальных сношений... В секс-программах подчеркивается, что даже в гетеросексуальных семьях роли меняются: женщины выбирают карьеру, а некоторые вообще отказываются от рождения детей» [Кейзон].

Впрочем, в США уже поняли, что такое «планирование» семьи годится не для постоянно сокращающегося белого населения самой Америки, а для собственных черных и «латиносов» и прежде всего для развивающихся стран. Если, по известному прогнозу ООН, к 2050 г. Россия укрепит свои позиции лидера по снижению численности населения, то у США должны быть иные перспективы. Поэтому там начали дозировать «секс-просвет» детей и молодежи, вводить школьные «программы целомудрия» и разъяснения непреходящих семейных ценностей и т.п. Медведева и Шишова обоснованно полагают, что вслед за табаком и алкоголем идеология половой распущенности, пропаганда абортот и контрацепций могут сделаться в США «товаром на экспорт». Родители российских школьников, например, уже третье десятилетие демонстрируют готовность к потреблению таких «товаров»⁵.

Таковы, в общих чертах, концепция и практика экономически и политически выгодного сокращения численности «ненужного» населения путем отказа от традиционных семейных ценностей. Таково первое из трех обозначенных мной идеологических орудий разрушения представлений о семье и деторождении как естественных, благих и лично полезны оснований продолжения бытия. Но, вероятно, огонь по еще не рожденным детям и по еще не созданным семьям не был бы столь результативным, если бы его не поддержала интеллектуальная (*философская и беллетристическая*) атака на институт семьи. Мне кажется, что эта составляющая была и остается сильнейшим средством воздействия на умы даже тех, кто никогда не читали Ф. Ницше и З. Фрейда, К.-Г. Юнга и М. Фуко, Ж.-П. Сартра и С. де Бовуар, а также многих других «основоположников» идеи освобождения от всего, мешающего слабому человеку осознать себя сильным. Растиражированная и преподносимая в упрощенном виде по всем каналам воздействия на массовое сознание, эта идея своей незамысловатостью и обращенностью к «человеку биологическому» стала восприниматься сначала единицами, а затем и миллионами как перст, указующий направление к легкодостижимому счастью и благополучию каждого. Время не пощадило творения идеологов «свободной любви», и теперь, например, некогда эпатажный «Второй пол» де Бовуар, этот манифест феминизма, предстает перед читателем пресным, банальным и абсолютно не убедительным. Но всегда найдутся те обойденные естественным семейным счастьем, кто вычитают у де Бовуар и ее последователей оправдания собственной неустроенности (во всем виноват «первый пол» и непонимание женщинами важности их свободы). А примитивность текста будет только способствовать его популяризации, – читают же П. Коэльо.

Антисемейная философия

Новейшая антисемейная философия начала с решительного опровержения представлений о любви, браке и детях как даре Божиим, который принять легко, а хранить – трудно. Взамен была предложена фрейдовская модель темного подсознания и лихо сочиненных комплексов Эдипа, Электры и других, которые имеют столь же

⁵ Мне известен лишь единственный случай возмущения родителей программой «секс-просвет», произошедший в школе одной из северокавказских республик.

малое отношение к прототипам, как похождения Леопольда Блума к странствиям Улисса. И не из джойсовского романа, а из статей и книг ученого мужа “просвещенное общество” узнало, что сына и мать, дочь и отца изначально связывают кровосмесительные намерения и что “анатомия – это судьба” (это выражение Фрейда неоднократно повторяла де Бовуар). Анатомия, физиология и подсознание вышли на смену совести, естественным привязанностям к близким и желаемому деторождению.

Напомню лишь о двух “властителях дум” левой Франции, да и всей Европы середины прошлого века, о самой странной семейной паре того времени – Сартре и де Бовуар, много писавших об отношениях мужчин и женщин и создавших в собственном доме образец “большой семьи”, в которую они ввели своих любовников и любовниц “общего пользования” (детей, мешающих свободе этой семьи, слава богу, не было). При этом я буду говорить только о самых популярных в мире и России философских сочинениях этой пары (см. [Сартр, 2000; Бовуар, 1997]).

На страницах “Бытия и ничто” Сартр не раз убеждает читателя в том, что “фактичность” настоящей любви состоит в “контакте двух кожных покровов”, чувственности, эгоизме, механизме прустовской ревности, борьбе полов и т.п. (Сартр, действительно, *так* любил). Для него любовь – поле конфликта, противоборства двух агрессоров: “Все, что нужно для меня, нужно и для другого. В то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой пытается освободиться от моего; в то время как я стремлюсь поработить другого, другой стремится поработить меня” и т.д. А в целом, любовь – это борьба мужчины и женщины за свое бесценное “я”, это секс-поединок, освобождающий обоих от каких-либо взаимобязанностей и, тем более, от деторождения.

Примерно в такой же тональности (и без каких-либо моральных оценок) рассматриваются садизм и мазохизм. Это, пожалуй, самые удивительные страницы “Бытия и ничто”: “Вид, открывающийся садисту, есть вид свободы, которая борется против развертывания плоти и которая, в конечном счете, свободно выбирает стремление заполниться плотью”⁶. Сартр пишет, что “сексуальное отношение является первоначальным отношением к Другому” (курсив мой. – *В.Л.*) – и этим сказано все.

Бовуар вообще полагает, что “разделение особей на самцов и самок является фактом ни из чего не выводимым и случайным” и что “сознание без пола, или бессмертный человек, – вещь абсолютно невообразимая, тогда как общество, размножающееся путем партеногенеза или состоящее из гермафродитов, можно себе представить” (хорошая теория для бисексуальной феминистки). Она вполне согласна с Сартром: “...разумеется, сексуальность играет в человеческой жизни значительную роль – можно сказать, вся жизнь в целом проникнута ею”.

Бовуар, как и многие ее предшественники, например, О. Бальзак в “Физиологии брака”, *разделяет* любовь и брак (на свои отношения с Сартром она, видимо, это убеждение не распространяла), поскольку “любовь” для нее – абсолютная свобода, порыв и т.д. “Брак в принципе, – пишет Бовуар, – представляет собой нечто непристойное, поскольку он вводит понятие прав и обязанностей в отношения, в основе которых должен быть свободный порыв”. Жена, любящая свой дом, своего мужа и детей, – “существо, которое стирает, гладит, подметает, вычищает пыль из темных углов” и поэтому “не живет настоящей жизнью”, она подавляет “бессильное бешенство в некой форме садомазохизма”. И – окончательный диагноз: “в целом в сегодняшнем обществе брак – это пережиток старозаветных нравов”. Можно только представить, с какой радостью приняли оправдание этой жизни без любви и обязательств, без забот о детях и друг о друге жаждущие эгоистичной свободы люди предвоенной и послевоенной Европы, а затем и всего Запада.

Фетиш все оправдывающей “творческой свободы” приводит к аналогии лесбийской любви, необходимой для женщин, которые заняты серьезной работой и не хотят

⁶ При этом Сартр философски констатирует, что “с самого начала существует глубокая несовместимость между восприятием тела как плоти и его инструментальным (! – *В.Л.*) использованием” [Сартр, 2000].

терять время, разыгрывая роль женщины или вступая в борьбу с мужчиной. Бовуар противопоставляет обычную и гомосексуальную любовь и с позиций их чистоты и искренности. Лесбийские отношения “не освящаются официальными учреждениями или обычаями, не регулируются договорами, и поэтому они совершенно искренние”.

Однако история поправила философа и его супругу, и в настоящее время гомосексуализм во всех его видах, оправдываемый Бовуар на его подпольной стадии, не только “вышел в свет”, но требует регулирования (узаконивания) в тех самых “официальных учреждениях”. В последнем случае возникают любопытные коллизии определения “отцовства” или “материнства”, имущественных отношений и оплаты алиментов после расторжения однополого “брака” и т.п.⁷ Тут уж ни о какой “чистоте” и “гармонии” отношений, воспетых Бовуар, не может быть и речи – все решает суд.

Конечно же, не только Фрейд, Сартр, Бовуар и другие философы размышляли почтенно под зданием обычной семьи и ее ценностей. Зеркалом критического отношения к семье стала большая литература XIX–XX вв. Она никогда не занималась идеализацией действительности, и это усиливало доверие к изображаемому: читатель *верил* рассказам и о семейных неурядицах, и о семейном счастье Товстогузов, Туберозовых, Левиных, Наташи и Пьера Безуховых, потому что *знал*, что так бывает⁸. Семья во всем разнообразии ее достоинств и проблем была центром и моделью мира людей в великих романах, которые без особой натяжки можно назвать “семейными”, – это и “Анна Каренина”, и “Будденброки”, и “Семья Тибо” и “Сага о Форсайтах”, и даже “Улисс”. А облик страдающего мира в великой литературе – это облик страдающей, отринутой, погибающей, но – семьи. Это и “Братья Карамазовы”, и “Тереза Ракен”, и “Доктор Живаго”, и “Молчание в октябре”, и проза А. Чехова и И. Бунина, В. Белова и Ф. Абрамова, М. Шолохова и В. Шукшина. Мир высокой литературы – мир невысказанный вне самого института семьи, и даже толстовская “Крейцерова соната” – о том же. Но одновременно пером и всей своей жизнью демонстрировали жизнь вне института семьи и пропагандировали порок как норму Ш. Бодлер и П. Верлен, О. Уайльд и Д. Лоуренс, Г. Миллер и Ч. Буковски. Имя им – легион, называю первых вспомнившихся.

Семья на “рынке брачных услуг”

Бовуар следует отдать должное за то, что она гораздо раньше социологов конца XX в. заговорила о своеобразном “рынке брачных услуг”, где выгоды и расходы должны быть соразмерными. Она пишет: “Из-за неустойчивости, неопределенности современной жизни обязанности молодого человека, связанные с его вступлением в брак, стали чрезвычайно тяжелыми, а выгоды значительно уменьшились; ведь он легко может заработать себе на жизнь и без труда удовлетворить свои сексуальные потребности. Конечно, вступая в брак, он получает определенные жизненные удобства (дома питаться лучше, чем в ресторане, нет необходимости ходить в публичный дом)”. Далее она цитирует Фрейда: “...супруг – это не любимый человек, а всегонавсего его заместитель” и считает, что это “вытекает из самой природы института брака, который существует не для того, чтобы обеспечить индивидуальное счастье мужчины и женщины, а для того, чтобы подчинить их экономической и сексуальный союз коллективным интересам”. И, переставая называть членов этого “союза” мужем и женой, Бовуар начинает именовать их *партнерами*, у которых на смену семейным недоразумениям “приходит понятие *взаимного обмена*” [Бовуар, 1997]. А отсюда уже рукой подать до новейших теорий и практик брачных союзов как естественного вида

⁷ Эта любопытная для российского читателя ситуация рассмотрена в [Худякова, 2009].

⁸ Но знает не всякий читатель. Та же Бовуар дописывает за Л. Толстым: “Крепкий и чувственный Пьер может испытывать физическое влечение к другим женщинам. Наташа ревнива, рано или поздно их отношения испортятся. В результате он либо расстанется с ней, и это разобьет ее жизнь, либо начнет ей лгать и затанцует на нее злобу, что отравит ему жизнь, либо они придут к компромиссу, который неизбежно будет сопровождаться ощущением неудовлетворенности, и тогда они будут несчастливы оба” [Бовуар, 1997]. Феминистка и лесбиянка уверена: в *обычной* семье долгого счастья быть не может.

чисто “экономического поведения” людей – третьего из ранее названных мной орудий разрушения представлений о семейных ценностях в обычном (не меркантильном) смысле этого слова.

Современная российская семья ускоренно перенимает западные формы комфортного и необременительного сексуально-бытового *сожительства*. Семья удаляется от традиционного брака с той же скоростью, с какой мир отходит от христианства. В связи с этим стоит обратить внимание на результаты ряда безусловно выполненных социологических исследований, посвященных семье.

Анализируя в рамках специального международного проекта тенденции формирования семьи в России, С. Захаров использует для описания результатов опросов лексикон, лучше любых цифр характеризующий перемены в отношении к семейным ценностям. Показательно, что если в переписи 2002 г. речь шла о таких категориях брака, как “никогда не состоял”, “состою в браке, в том числе в незарегистрированном”, “разведен”, “разошелся” или “овдовел”, в рассматриваемом исследовании главной стала категория “партнерства”. При этом “партнером... считался человек, с которым респондента связывают устойчивые отношения, предполагающие наличие сексуальной близости. Если у респондента в момент обследования было несколько партнеров и обо всех он хотел рассказать, то предлагалось рассказать только о партнере, которого он считает наиболее важным для себя. Для текущего партнерства допускалось раздельное проживание партнеров, о чем спрашивалось специально, а в вопросах, касающихся прошлых партнерских союзов, сведения фиксировались только о тех партнерах, с которыми респондент проживал на одной жилплощади не менее трех месяцев подряд” [Захаров, 2007]. Подчеркну, что в приведенном дефиниционном ряду вместо “семьи” появляются понятия “партнерский союз” и “текущее партнерство”, адекватные “устойчивым отношениям, предполагающим наличие сексуальной близости”.

Один из принципиальных выводов Захарова о том, что в условиях современной России официально зарегистрированный брак теряет свою привлекательность, подтвержден многочисленными полученными за много лет данными одних и тех же респондентов. Согласно Захарову, «из исторического опыта России известно, что прочность союзов, основанных на добровольном согласии, при прочих равных условиях ниже, чем официальных браков... Именно поэтому из профессионального стана демографов, социологов и политиков часто следует посыл уничижительно-дискриминационного свойства по отношению к незарегистрированным союзам. Призывы к “укреплению и возрождению семейных ценностей” сегодня в России все более трансформируются в призыв не допустить дальнейшего распространения “незаконных сожительств»» [Захаров, 2007].

Но “Так ли уж ущербны с демографической точки зрения новые формы супружества и семейной жизни?” – задает вопрос Захаров. И отвечает на него вполне определенно: «Опыт ряда развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, соответствует росту рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость наблюдается в тех странах, где высока и доля “внебрачных” рождений (читай: высок вклад в общую рождаемость в широко распространившихся незарегистрированных союзах. – В.Л.)» [Захаров, 2007]. Таков российский социологический ответ на понятую в чисто биологическом смысле заповедь “плодитесь и размножайтесь”.

Не менее любопытна в контексте рассматриваемой темы еще одна статья, представляющая результаты макроэкономического анализа заключения и расторжения брака [Рошин, Рошина, 2007]. Здесь авторы работают в дефинициальной сфере, во многом сконструированной Г. Беккером⁹ – известным патологоанатомом тончайших

⁹ Заключение брака понимается Беккером как аналог создания партнерской фирмы, альтруизм – как положительная зависимость между функциями полезности людей (благополучие матери тем выше, чем благополучнее ее ребенок) и пр. (см. [Беккер, 2003], а также послесловие Р. Капелюшников к этой книге [Капелюшников, 2003]).

социально-психологических отношений, вскрываемых им с помощью экономического топора.

Перед читателем статьи Рошиных предстает модель “брачного рынка”, под которым понимается “пространство потенциальных партнеров – мужчин, с одной стороны, и женщин – с другой, между которыми должно установиться соответствие (т.е. брак)”. Здесь “партнеры” предлагают друг другу свои продаваемые качества, куда входят: “возраст, образование (в течение скольких лет получали образование, максимальный образовательный уровень), статус занятости (занят ли на рынке труда), индивидуальные доходы и суммарная заработная плата от двух работ и приработков, профессиональная группа (руководитель, специалист, служащий, рабочий, неквалифицированный рабочий), вес, рост, избыточный вес, носит ли очки, самооценка здоровья, религиозность, вероисповедание, интенсивность употребления кофе, курит ли, употреблял ли алкоголь в течение последнего месяца, количество потребляемого алкоголя в месяц, занятия спортом (количество часов в год), количество видов спорта, которыми занимается” [Рошин, Рошина, 2007].

Из корреляционного анализа связи каждого “продукта” из “брачной корзины” с итогами торгов на “брачном рынке” авторы делают выводы о различных причинах установления или прекращения брачных отношений. Например, такой: «Как и ожидалось, вероисповедание также является важной характеристикой специфического семейного капитала. Поэтому неудивительно, что большинство супругов выбирают “подобных себе по вере”. Именно разногласия в режиме питания, соблюдении обрядов, да и различия в социально-нравственных нормах способны разрушить брак или не допустить его заключения» [Рошин, Рошина, 2007].

В целом же, идеология “брачного рынка” характеризуется следующим образом: «Когда люди вступают в брак, значение их общей функции полезности должно быть выше, чем сумма индивидуальных функций полезности от потребляемых благ. Это возможно, так как люди приобретают в браке детей, радость общения, экономические преимущества и т.д., т.е. блага, которые нельзя купить на рынке. Люди получают выигрыш от брака также потому, что время, затрачиваемое мужем и женой на производство благ (в том числе детей и любви), не взаимозаменяемо. Это касается и разделения труда между домом и рынком – партнер с более высокой заработной платой больше времени тратит на рынке труда, а с более низкой – в домашнем хозяйстве. Существует также эффект экономии от масштаба, однако эта выгода касается не только супругов, а любых членов домохозяйства (т.е. любых людей, живущих вместе, необязательно супругов). *Чем выше разница между издержками и выгодой, тем больше “чистая” выгода от брака* (курсив мой. – В.Л.)» [Рошин, Рошина, 2007].

Маловероятная альтернатива

Все перечисленные идеологические основания отказа от главных семейных ценностей – устойчивого моногамного брака и детей – самым непосредственным образом повлияли на западные представления о смысле семейной жизни, и это влияние в течение почти полутора веков достигло первоначально не планируемой цели – белое население наиболее успешных в рыночно-экономическом отношении европейских стран и США начало уверенно вымирать. В России же отмена традиционных семейных ценностей в первые послереволюционные годы быстро сменилась мощной партийно-государственной поддержкой самого института семьи с включением соответствующих идеологических формул в самые ответственные партийные документы (решения съездов КПСС, Устав КПСС, Программа КПСС и др.) и в практику кадровых служб, парткомов и профкомов. В начале “перестройки” и в последующие годы идеологией стало безальтернативное освобождение от “тоталитарного прошлого” и его пережитков – коллективизма, патриотизма, “советской семьи”. Жажда свободы от прошлого и желание перемен были столь сильны, что изменения в отношениях к семейным ценностям, произошедшие в западном мире за многие десятилетия, перешли в сознание

множества людей за считанные годы. “Шоковая терапия” советской семьи не излечила ее от естественных болезней, а повергла в то самое состояние, которое анализировалось в предыдущей статье [Лексин, 2010].

У института традиционного брака, естественно, есть и защита, ни интеллектуально, ни, тем более, этически не уступающая идеологам “планирования семьи”, философам и писателям, обосновывающим ненужность брака, и социэкономистам, низводящим семью к результату “рынка брачных услуг”. Это прежде всего три авраамические религии – иудаизм, христианство и ислам, и именно поэтому так усердно размывалась “прогрессивной” интеллигенцией почва под религиозным фундаментом семьи как богоустановленным союзом мужчины и женщины с заветом “плодитесь и размножайтесь”, “тяготы друг друга носите”. И я считаю совсем не случайным то, что процессы упадка института семьи и депопуляции некогда христианских народов жестко коррелируют с процессами *секуляризации общества* – в Европе первой это ощутила вольнодумная Франция и последней – относительно ортодоксальная Греция. Философские, литературные, политические нападки на церковь, и в частности на “православный домострой”, каким видят любые проявления христианских начал в жизни современной семьи либеральные СМИ, понятны, – ведь церковь первой выступила (и продолжает это делать со все большей энергией) против всех трех только что рассмотренных идеологических орудий разрушения обычной семьи. Церковь выступает против абортов и “свободной любви”, против пропаганды гомосексуализма, против алкоголя и табака, против телевизионного развращения молодежи, против “планирования семьи” и “рынка брачных услуг”.

Православные священники, участвующие в дискуссиях по проблемам демографии, иногда говорят: “...это – не про нас: в нашем приходе рождаемость выше, чем в Бангладеш (Узбекистане и т.п.)”. Действительно, приходские храмы полны детей, а число родителей с младенцами составляет до трети всех, подходящих к причастию. Поэтому можно слышать, что к концу нашего века русское население России будут преимущественно составлять люди, рожденные и выросшие в православных семьях. Именно *русское*, поскольку параметры рождаемости в мусульманских семьях намного выше, и прогнозы мусульманизации России основаны не на тотальном межэтническом распространении ислама, а на резком сокращении интереса к деторождению (да и к созданию семьи) в немусульманской части населения страны. Не буду повторять то, что написано в других моих публикациях о православной семье и о семейной политике Русской православной церкви [Лексин, 2008; 2009]. Позиция нашей церкви по рассматриваемым в этой статье вопросам детально изложена в “Основах социальной концепции Русской Православной Церкви” (далее – “Основы”), принятых в 2000 г. Юбилейным Архиерейским собором, в разделах “Вопросы личной, семейной и общественной нравственности”, “Христианская этика и светское право”, “Здоровье личности и народа” и “Проблемы биоэтики”. Я полагаю необходимым включение хотя бы нескольких существенно важных положений семейной политики православия в ограниченное пространство текста настоящей статьи.

«Будучи в равной степени носителями образа Божия и человеческого достоинства, – говорится в “Основах”, – мужчина и женщина созданы для целостного единения друг с другом в любви: “Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть” (Быт. 2.24)... Признавая особую роль монашества в своей истории и современной жизни, Церковь никогда не относилась к браку пренебрежительно и осуждала тех, кто из ложно понятого стремления к чистоте уничтожал брачные отношения...» [Основы ...].

«Для христиан брак стал не просто юридическим договором, средством продолжения рода и удовлетворения временных природных потребностей, но, по слову святителя Иоанна Златоуста, “тайнством любви”, вечным единением супругов друг с другом во Христе... Освящая супружеские союзы молитвой и благословением, Церковь тем не менее признавала действительность брака, заключенного в гражданском порядке...» [Основы...].

«Церковь настаивает на пожизненной верности супругов и нерасторжимости православного брака, основываясь на словах Господа Иисуса Христа: “Что Бог сочел, того человек да не разлучает” (Мф. 19. 6,9). Развод осуждается Церковью как грех, ибо он приносит тяжкие душевные страдания и супругам (по меньшей мере, одному из них), и особенно детям... “Дети – не случайное приобретение, мы отвечаем за их спасение... Нерадение о детях – больший из всех грехов, он приводит к крайнему нечестию... Нам нет извинения, если дети у нас развращены”, – наставляет святитель Иоанн Златоуст...» [Основы...].

“Основы” крайне негативно относятся ко всем современным порокам, разрушающим семью, а затем и нравственное здоровье всего народа. Церковь также не может поддержать тех программ “полового просвещения”, которые признают нормой добрые брачные связи, а тем более различные извращения. Школа призвана “противостоять пороку, разрушающему целостность личности, воспитывать целомудрие, готовить юношество к созданию крепкой семьи, основанной на верности и чистоте” [Основы...].

Все это – лишь малая часть “семейного учения” православной церкви, которое воцерковленные люди еженедельно слышат с амвонов своих храмов. Но сколько их – слушающих, и тем более – выполняющих предписанное? Думаю, не более 1–2% населения страны.

Отмечу, что ни по одному вопросу нет таких онтологических совпадений во взглядах всех христианских конфессий России, как в их представлениях о семейных ценностях и общественной значимости института обычной семьи. Анализируя этот вопрос применительно к *протестантским церквям России*, современный автор пишет, что еще “советские исследователи отмечали приверженность семейным ценностям, традиции многодетности и то исключительное внимание, которое уделяется отношениям супругов и воспитанию детей, например, в пятидесятничестве”. И далее: “Если у западных протестантов, как правило, не приняты многодетные семьи, то их российские единоверцы продолжают традиции дореволюционного и советского времени, когда считалось, что чем больше детей, тем больше ты благословлен Богом. Особенно это касается баптистов, адвентистов и пятидесятников: *три–четыре ребенка в семье верующего, особенно пастора – обычное явление* (курсив мой. – В.Л.)” [Куропаткина, 2008].

О. Куропаткина приводит конкретные примеры практикуемых протестантами в сфере семейной политики и работы с подростками различных и весьма результативных организационных форм борьбы с абортами (особенно несовершеннолетних), семейной психологии и семейного консультирования, реальной помощи многодетным и малообеспеченным семьям, детям-инвалидам и семьям с такими детьми, семьям заключенных и наркозависимых, сотрудничества и непосредственной работы в детских домах-интернатах и в колониях для несовершеннолетних. У протестантов есть уникальный опыт “семейного служения”.

Нельзя не отметить и почтительное отношение к традиционному семье и браку в наиболее разработанном *социальном учении католической церкви*, которое создавалось в течение многих веков, а его современную историю принято отсчитывать с энциклики папы Льва XIII *Rerum novarum* (“О новых вещах”), обнародованной в 1891 г. С того времени католический, а с ним и весь христианский мир, обогатились многими официальными и богословскими трудами на интересующую нас тему, но я хотел бы напомнить только о двух из них: о замечательной энциклике папы Иоанна Павла II “О задачах христианской семьи в современном мире” (“*Familiaris Consortio*”, дана 22 ноября 1981 г.) и о прекрасно составленном “Компендиуме социального учения церкви” (принят 2 апреля 2004 г.; см. [Компендиум ... 2006]).

“*Familiaris Consortio*”, как и все энциклики, компактна, ее текст предельно “спрессован”, а о многообразии и тональности рассматриваемых в ней проблем говорят сами подзаголовки 86 (!) подразделов (называю далеко не все, преимущественно “светские”): “Семья, стань тем, чем являешься по своей природе!”, “Формирование общины личностей”, “Любовь как основание и сила общения”, “Нерасторжимое единство

супружеского общения”; “Права и обязанности женщины, женщина и общество, об оскорблениях достоинства женщины”; “Мужчина – муж и отец”; “О правах ребенка”; “О роли пожилых членов семьи”; “Нравственный путь супругов”; “Формировать убеждения и предлагать конкретную помощь”; “Право и обязанность родителей воспитывать”; “Воспитание в главных ценностях человеческой жизни”; “Семья – первая и жизненно необходимая ячейка общества”; “Семейная жизнь как опыт общения и участия”; “Общественная и политическая задача”; “Общество на службе семье”; “Хартия прав семьи”.

Предлагая такой свод поведенческих и мировоззренческих установок, ориентирующих нашего современника на традиционные семейные ценности, “Familiaris Consortio” отнюдь не идеализировала семейную реальность и давала простые житейские советы о том, как поступить “в трудных случаях” и в условиях некоторых “неправильных ситуаций”, к которым были отнесены “смешанные” и “пробные браки”, “фактически свободные союзы”, ситуации в семьях, где есть “католики, заключившие только гражданский брак”, “живущие раздельно и разведенные, не вступившие в новый брак”, “разведенные, вступившие в новый союз”, и просто “не имеющие семьи”. В заключительном разделе энциклики говорится: “К вам, супруги, к вам, отцы и матери семейств, к вам, юноши и девушки, ибо вы являетесь будущим и надеждой Церкви и мира и станете несущим элементом и динамичным ядром семьи в грядущем третьем тысячелетии... к вам, все люди доброй воли, кого по самым разным причинам волнуют судьбы семей, обращаюсь я с горячей и сердечной просьбой, завершая настоящее Апостольское обращение. *Будущее человечества проходит через семью!*”

Потому крайне важно, чтобы каждый человек доброй воли участвовал в деле спасения и поддержки ценностей и нужд семьи. Они должны *любить семью особым образом*. Это конкретное и взыскательное задание. Любить семью – это значит выявлять грозящие ей опасности и зло с тем, чтобы преодолеть их. Любить семью – это значит участвовать в создании среды, способствующей ее развитию. Но высшей формой любви к нынешней христианской семье, часто испытываемой отчаянием и тревожащейся из-за растущих трудностей, является возвращение ей доверия к самой себе, к собственным богатствам природы и благодати, к миссии, вверенной ей Богом” [Иоанн Павел II, 2006].

В несколько иной, менее эмоциональной и более рассудительной тональности, о семейных ценностях говорит вышеназванный “Компендиум”, начинающий главу “Семья – жизненно важная клетка общества” с напоминания о том, что по замыслу Творца, семья – это изначальное пространство гуманизации личности и общества, колыбель жизни и любви. “Компендиум” доказывает (доказательства опускаю), что *“семья чрезвычайно важна для личности”*. В этой колыбели жизни и любви человек рождается и растет: когда рождается ребенок, общество получает в дар новую личность, которая внутри себя ощущает призвание общаться с другими и дарить себя другим. Итак, в семье взаимная самоотдача мужчины и женщины, соединенных в браке, создает жизненную среду, в которой ребенок может “развивать свои способности, постепенно осознавать свое достоинство и готовиться ко встрече со своей единственной и неповторимой судьбой”. В атмосфере естественной приязни, связывающей членов семейной общины, личность в своей целостности обретает признание и принимает на себя ответственность: первая и основополагающая структура “человеческой экологии” – это семья, в лоне которой человек получает первоначальные и определяющие понятия об истине и добре, узнает, что значит любить и быть любимым и, следовательно, что означает конкретно – быть личностью. Ведь обязанности членов семьи не ограничены условиями договора, но проистекают из самой ее сущности: семья основана на неотменимом брачном союзе и структурирована отношениями, проистекающими из рождения или усыновления детей.

“Компендиум” утверждает и *важность семьи для общества*: «семья, естественная община, в которой реализуется человеческая социальность, вносит уникальный и незаменимый вклад в благо общества. Ведь семейная община рождается из общения

личностей: понятие “общение” относится к личным отношениям между “я” и “ты”. А понятие “община” выходит за рамки этой схемы и приближается к “обществу”, к “мы”. Поэтому семья, община личностей есть первое человеческое “общество”. Общество, построенное по типу семьи, – лучшая гарантия против уклонений в индивидуализм или коллективизм, потому что в таком обществе личность всегда находится в центре внимания как цель и никогда не используется как средство» [Компендиум... 2006].

Ухожу от соблазна дальнейшего цитирования многостраничного и теперь всем доступного изложения важнейшей части социального учения католической церкви: этот документ заслуживает внимательного прочтения всеми, кто берутся рассуждать о состоянии и судьбах института семьи. Констатирую однако, что за три года, прошедшие после выхода “Компендиума” на русском языке, мне ни разу не встретились в публикациях наших социологов ни ссылки на этот удивительный документ, ни, тем более, результаты сравнительного анализа его положений с современными трактовками семейной политики в официальных документах других конфессий.

* * *

Состояние семьи, вероятно, в большей степени, чем какого-либо другого института социализации, зависит от *идеологии* семейной жизни, от того набора ценностей коллективного и индивидуального бытия, которое предлагается официальными установлениями, общественной моралью и средствами воздействия на мировоззрение людей (от проповедей и философских трудов до телевизионных сериалов). В России в течение столетий институт семьи поддерживала идеология патриархально устроенной и многодетной семьи, окормляемой православием и другими традиционными религиями. Эта идеология начала расшатываться с середины XIX в., и уже в начале XX в. проницательный П. Сорокин отмечал как *общее правило* ослабление российской семьи в форме союза супругов, родителей и детей и снижение ее “опекунско-воспитательной роли” [Сорокин, 1916; 1991]. Тогда же большевики-ленинцы повели настоящую идеологическую войну с традиционной русской семьей. В. Ленин считал необходимым “освободить женщину от мелкого домашнего хозяйства... от принуждения – оглупляющего и принижающего – вечной и исключительной обстановки кухни, детской... втянуть в общественно-полезный труд”. Только тогда, по Ленину, начнется “настоящее освобождение женщин, настоящий коммунизм” [Ленин, с. 193]. И. Арманд считала полезным уничтожение власти родителей над детьми, а Н. Бухарин рассматривал традиционную семью как наиболее консервативный оплот старого режима. В лекциях А. Коллонтай, прочитанных в Университете им. Я.М. Свердлова, говорилось о том, что “кухня, закабалившая женщину еще в значительно большей мере, чем материнство, перестанет быть необходимым условием существования семьи”. На смену кухням придут советские столовые, на смену обособленным квартирам – дома-коммуны и общежития для семейных; семья не сможет существовать в современном виде, упадет, упразднится и только так произойдет раскрепощение женщины [Коллонтай, 1919].

Эта воинствующая идеология отказа от традиционных семейных ценностей на несколько последующих лет поразила институт семьи (вспомним рассказы М. Зощенко об однодневных браках и разводах того времени), но скоро появление нового, опять же *идеологического* варианта семейной политики “партии и правительства” повернуло семейные отношения на 180°. По Конституции и законам СССР семью признали необходимой ячейкой общества, и ей гарантировалась государственная защита. Еще более укрепился *идеологический* фундамент традиционной семьи после окончания Великой Отечественной войны; именно в такой семье виделась тогда возможность преодоления демографических последствий военных потерь.

Новейшие идеологические сдвиги в отношении к институту семьи, рассмотренные в этой статье, к сожалению, недостаточно исследуются, а их последствия практи-

чески не прогнозируются: вся энергия адептов государственной семейной политики расходуется на помощь нуждающимся семьям и на стимулирование создания молодых семей. И первое, и второе, бесспорно, нелишни, однако самые острые проблемы демографического, социального, экономического характера никак не будут приближены к решению, если в стране не начнет вырабатываться и *естественно* входить в общественное сознание идеология безальтернативной ценности института традиционной семьи в принципиально новых постсоветских обстоятельствах. Это – сложнейшая задача, и для ее решения нужно было бы, в первую очередь, признать пагубность и оценить возможности преодоления идеологии якобы исторически обреченного института традиционной семьи как такового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беккер Г.С.* Экономика семьи // *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.
- Бовуар С. де.* Второй пол. М.–СПб., 1997 Т. 1, 2 (http://Koob.ru/behavior/vtoroi_pol.).
- Грант Дж.* Ангел смерти. М., 1997.
- Захаров С.В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. (<http://www.ecsocman.edu.ru/mirros/msg/310913.html>).
- Иоанн Павел II.* О задачах христианской семьи в современном мире. М., 2006.
- Капелюшников Р.И.* Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию // *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.
- Кейзан Ж.* Война против населения. Экономика и идеология контроля над народонаселением. Фрагменты книги (<http://old.portal-slovo.ru/rus/pedagogies/208/48771&part=2>).
- Коллонтай А.М.* Труд женщины в эволюции хозяйства. М., 1919.
- Компендиум социального учения Церкви. М., 2006 (<http://www.rkcvо.rufamily/32htm>).
- Куропаткина О.В.* Семейная политика и работа с детьми и подростками в протестантских церквях России: реализация традиционных ценностей // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2008. Вып. 5.
- Лексин В.Н.* Государственная семейная политика и обычная русская семья // Общественные науки и современность. 2010. № 2.
- Лексин В.Н.* “Другие”: верующие и неверующие в повседневной жизни // Мир России. 2008. № 1.
- Лексин В.Н.* Россия как светское государство: религиозные объединения в секулярном обществе // Мир России. 2009. № 2.
- Ленин В.И.* Международный день работниц // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40.
- Медведева Н.Я., Шишова Т.Л.* Спецмиссия антихриста. М., 2009.
- Медведева Н.Я., Шишова Т.Л.* Демографическая война против России (<http://pravoslavie.ru/analit/global/index.htm>).
- Основы социальной концепции Русской православной церкви (<http://patriarchia.ru/db/text/141422.html>).
- Роцин С.Ю., Роцина Я.М.* Заключение и расторжение брака в современной России: макроэкономический подход // Мир России. 2007. № 4 (<http://www.ecsocman.edu.ru/mirros/msg/310917.html>).
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М., 2000 (<http://psylib.org.ua/books/sartr03.txt.08htm>).
- Сорокин П.А.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал для всех. 1916. № 2–3.
- Сорокин П.А.* Письмо В.Н. Фигнер от 1 февраля 1920 г. // Социология. 1991. Вып. 1.
- Худякова О.Ю.* Установление происхождения детей в однополых союзах по законодательству США // Государство и право. 2009. № 6.
- Kingsley D.* Population Policy and the Theory of Reproductive Motivation // Economic Development and Cultural Change. 1977. Vol. 25. Supplement.